

Так как территория Мядельского района принадлежала польской стороне, до нас дошли архивные документы о воинских захоронениях Первой мировой на территории Мядельского район. В данном перечне 52 захоронения, по каждому из них имеется точный план и данные о каждом захороненном воине.

В Советском Союзе Первую мировую войну было принято называть «империалистической», «царской», «несправедливой» – эти идеологические установки объясняют, почему на государственном уровне практически никаких работ на воинских кладбищах Первой мировой не велось. И поэтому большинство их были утрачены: уничтожены, некоторые безвозвратно в ходе прокладки дорог, расширения деревень, сельскохозяйственной деятельности и т.д. Часть просто затерялась в лесах и полях, сгнили или были сожжены деревянные кресты, умерли свидетели – и теперь уже очень сложно отыскать эти последние солдатские прибежища.

Работу по восстановлению и обустройству воинских захоронений с середины 1990-х годов начал проводить Народный союз Германии по уходу за военными могилами. Усилиями этой организации на территории Беларуси были восстановлены и обустроены около 30 кладбищ Первой мировой войны, на многих из которых похоронены не только немецкие, но и российские солдаты.

Для белорусского народа Первая мировая война была настоящей катастрофой. За 4 года войны население Беларуси пережило смену нескольких властных режимов: царского самодержавия, германских оккупантов, российского Временного правительства, советской власти. В повседневность здесь вошли чрезвычайные законы военного времени, реквизиции, принудительные работы, разрушение сел и городов, постоянная опасность для жизни.

Общие людские потери Беларуси за время мировой и последующей польско-советской войн (гибель военнослужащих на фронтах, повышенная смертность гражданского населения, уменьшение рождаемости, невозвращение из беженства) оцениваются демографами более чем в 1,5 млн. человек.

Выводы. Мы часто слышим лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто!» Получалась безнравственная ситуация: воины Великой Отечественной войны были достойно увековечены, а их отцы, погибшие на фронтах Первой мировой, оставались безвестно забытыми. Наши предки испытали столько горя, столько боли, страха и страданий, что у нас нет права забыть эти события.

Список литературы:

1. Г. П. Пашкоў, А.Л. Петрашкевіч і інш. (рэдкал.), Я. Г. Звяруга (укладальнік). «Памяць. Мядзельскі раён». – Мн.: «Беларуская энцыклапедыя», 1998. – 640 с.
2. Битва у Нарочи, 1916. Немецкие источники о русском весеннем наступлении. (Нарочская операция) : мемориал / [автор текста, сост. В.А.Богданов]. – Брест :Полиграфика, 2016. – 376 с.
3. Западный щит Российской империи. 1915–1917. Историческая реконструкция событий / В.Бондаренко. – Вильнюс: ОО «Институт военного наследия». 2015 – 328 с.

УДК 378.049.2

ДИНАМИКА РОЛЕВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ

Воробьев А. И. (2 курс, факультет ветеринарной медицины)

Научный руководитель: к.п.н., доцент Девярых С.Ю.

Витебская государственная академия ветеринарной медицины, г. Витебск

Аннотация. Цель исследования являлось выявление содержательной стороны процесса усвоения социальной роли «студент» студентами-первокурсниками в ее динамике. На материале собственного эмпирического исследования показано, что осваивая социальную

роль студента, не только принимают ее формальные предписания, но и приходят к пониманию ее сущностного содержания.

Ключевые слова: профессионализация, социальная роль, студенческий возраст, ролевая идентификация.

Введение. В процессе становления личности студенческий возраст важен как возраст освоения социально-профессиональной роли, возраст становления профессионала. Принятие социальной роли включает в себя знание, понимание и готовность принять ее предписания и соответствующую активность [4]. Каждой роли соответствуют определенные аттитюды и типы поведения, которые в совокупности образуют ролевую идентификацию. Так, в условиях, когда ролевые требования были определены нечетко, а ролевая идентификация неясна, индивиды предпочитали следовать старым поведенческим стереотипам [2]. При этом психологические проблемы начального периода освоения студентом профессионально-социальной роли в вузе характеризуются динамикой отношения студентов к новой для них социальной роли, динамикой мотивации учения и представлений о профессии [3].

Цель исследования. выявление содержательной стороны процесса усвоения социальной роли «студент» студентами-первокурсниками в ее динамике.

Материал и методы. В качестве испытуемых выступали студенты-первокурсники аграрного вуза в возрасте 17 – 18 лет, из которых было 55 юношей и 56 девушек. В качестве инструмента исследования использовался «Опросник незавершенных предложений Г.В. Аكوпова» [1], из которого было использовано три типа вопросов, построенных по принципу незавершенного предложения. «Я – студент, это значит ...» и «Мы – студенты, это значит...».

Полученный материал был подвергнут процедуре контент-анализа. Различия между группами юношей и девушек и внутри групп испытуемых в начале и в конце семестра устанавливались при помощи фита-критерия Фишера. Опрос проводился дважды: в начале и в окончании семестра.

Результаты исследования. Контент-анализ позволил выявить семь типов ответов, поданных испытуемыми на вопросы анкеты: 1) ответы, фиксирующие социальный статус испытуемых; 2) ответы, раскрывающие содержание социальной роли; 3) ответы, раскрывающие социальную сущность процесса обучения (профессионализация); 4) ответы, фиксирующие новый уровень (по сравнению с обучением в школе) самостоятельности обучающихся; 5) ответы, показывающие конкурсный характер поступления в вуз; 6) ответы, утверждающие ценность студенческого общения; 7) ответы, акцентирующие внимание на трудностях учебы.

Первый вопрос методики позволял выявить особенности индивидуально-профессионального самосознания испытуемых, то, насколько обучающийся принимает роль студента и следовать ее предписаниям (см. таблицу 1).

Таблица 1. Продолжения фразы «Я – студент, это значит ...», в %

Показатели	Юноши		Девушки	
	1 замер	2 замер	1 замер	2 замер
Социальный статус	21,9	9,7	17,6	11,6
Учебная деятельность	34,2	21,9	21,5	29,5
Профессионализация	9,7	24,3	11,8	15,7
Самостоятельность	7,3	9,7	15,7	11,8
Преодоление конкурса	17,0	2,4	9,8	1,8
Студенческое общение	7,5	17,0	19,7	5,9
Трудности учебы	2,4	15,0	3,9	23,5

Наиболее часто встречающееся продолжение фразы: «Я – студент...» в начале обучения у юношей отражает требования социальной роли (учебная деятельность) и фиксирует актуальный социальный статус – «студент». Так ответили каждый третий и

каждый пятый юноша соответственно. Второй опрос юношей (в конце учебного семестра) показал, что распределение ответов по категориям контент-анализа несколько изменилось. Так наиболее встречающиеся окончания фразы первого вопроса фиксируют, во-первых, социальную сущность процессов обучения в вузе («получаю профессию», «буду специалистом»); во-вторых, требования социальной роли. Такие ответы продемонстрировали каждый четвертый и каждый пятый юноша соответственно.

Наиболее часто встречающееся продолжение фразы: «Я – студент...» в начале обучения у девушек, так же как и в ответах юношей, отражает требования социальной роли (учебная деятельность) и отражает ценность межличностного общения («хорошая компания», «весело вместе»). Так ответили на эти вопросы каждая пятая девушка. Второй опрос девушек (в конце учебного семестра) показал, что распределение ответов по категориям контент-анализа несколько изменилось. Так наиболее встречающиеся окончания фразы первого вопроса фиксируют, во-первых, содержание социальной роли «студент» («ходить на лекции», «сдавать коллоквиумы»); во-вторых, подчеркивают затруднения, которые встречают студенты в процессе осуществления учебной деятельности («много учить», «мало свободного времени» и п.п.). Эти ответы продемонстрировали каждая третья и каждая четвертая девушка соответственно.

Полученные данные в целом свидетельствуют о том, что юноши и девушки приняли и согласились с предписаниями социальной роли. Для полноты картины отметим гендерные различия в линиях поведения по реализации роли студент юношами и девушками. Так юноши, подчеркивая ценность студенческого общения и приобретение личностных черт профессионала, ориентируются, как нам думается, на будущую профессиональную карьеру, а девушки, акцентируя в своих ответах содержание учебной деятельности и трудности учебы, ориентируются на приобретение знаний уже сегодня.

Анализ ответов, данных респондентами в продолжение фразы «Мы – студенты...» позволяет раскрыть содержание группового сознания испытуемых. Ответы респондентов были сходны с ответами, поданными в продолжение фразы «Я – студент, это значит...» (см. табл. 2).

Таблица 2. Продолжения фразы «Мы – студенты, это значит...», в %

Показатели	Юноши		Девушки	
	1 замер	2 замер	1 замер	2 замер
Социальный статус	23,0	14,7	21,5	9,8
Учебная деятельность	15,4	12,2	11,8	21,5
Профессионализация	7,7	9,7	5,9	7,8
Самостоятельность	5,1	9,7	5,9	7,8
Преодоление конкурса	7,7	7,3	11,8	2,0
Студенческое общение	36,0	31,7	37,2	35,4
Трудности учебы	5,1	14,7	5,9	15,7

Вместе с тем, структура этих ответов, как видим, несколько отличается от той, которая была получена в результате анализа ответов на первый вопрос анкеты. Так в начале семестра у юношей и девушек доминирует два типа ответов: подчеркивающих ценность студенческого общения (каждый третий) и фиксирующих социальный статус респондентов (каждый четвертый).

Второй опрос показал, что у юношей доминируют ответы, подчеркивающий ценность студенческого общения (каждый третий), фиксирующие социальный статус испытуемых (их стало достоверно меньше, по сравнению с первым опросом) и отмечающих трудности учебы, а этих ответов стало достоверно больше, по сравнению с первым опросом. Сходная динамика отмечается и в ответах девушек: ценность студенческого общения сохранила свою значимость (достоверных различий между первым и вторым опросом выявлено не было), однако достоверно меньше стало ответов, фиксирующих социальный статус респондентов и

достоверно дольше, описывающих содержание учебной деятельности или подчеркивающих трудности учебы. Выявленные тенденции позволяют говорить о том, что в динамике группового сознания юношей и девушек происходит перенос акцента от формальных признаков социальной роли на сущностные признаки.

Анализ ответов на вопрос «Они - не студенты...» позволяет выявить маркеры группового сознания, дифференцирующие социальную группу студентов от других социальных групп. Ответы, данные испытуемыми на этот вопрос, были отнесены к следующим категориям: 1) те, кому не повезло поступить; 2) люди, занимающие другую позицию, имеющие другой социальный статус; 3) у таких людей нет обязанности учиться; 4) те, кто прервал учебу, кого отчислили; 5) по своим качествам не соответствуют требованиям, предъявляемым к студентам вуза (см. табл. 3).

Таблица 3. Продолжения фразы «Они - не студенты...», в %

Показатели	Юноши		Девушки	
	1 замер	2 замер	1 замер	2 замер
Те, кому не повезло	35,9	10,2	35,5	17,7
Другой социальный статус	25,6	33,2	23,5	33,2
Нет обязанности учиться	12,8	38,6	29,4	43,1
Прервали учебу, отчислили	23,1	10,4	23,9	4,0
Не соответствуют учебе	2,6	7,6	7,9	2,0

Анализ данных, представленных в таблице 3, позволяет говорить о том, что динамика ответов испытуемых за период от начала семестра к его окончанию, имеет схожие тенденции и у юношей, и у девушек. Так, в начале семестра наиболее значимыми дифференцирующими показателями статуса «не-студент» выступали эмоционально-оценочная категория «не повезло» и категория «другой социальный статус». К окончанию семестра (при сохранении значимости категории «другой социальный статус») ведущей становится категория «нет обязанности учиться». Здесь, как мы полагаем, можно говорить о переносе акцентов с формальных критериев социальной дифференциации (указание наличие определенного социального статуса), на сущностные (к содержанию деятельности, закрепленной за социальным статусом), что, в целом, может говорить и о динамике социальной зрелости испытуемых в учебно-воспитательном процессе вуза.

Заключение. Исследование динамики социально-ролевой идентификации студентов-первокурсников на начальном этапе обучения в вузе позволяет говорить о том, что их профессионализация в целом идет успешно; они, осваивая социальную роль студента, не только принимают ее формальные предписания, но и приходят к пониманию ее сущностного содержания.

Список литературы:

1. Акопов, Г.В. Социальная психология образования / Г.В. Акопов. – М.: Флинта, 2000. – С. 296 с.
2. Андреева, Г.М. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учеб. пособие / Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Л.Я. Петровская. — М.: Аспект Пресс, 2001. - 287 с.
3. Девярых, С.Ю. Психологические проблемы начального этапа профессионального становления в медицинском вузе / С.Ю. Девярых // Профессионализация личности в образовательных институтах и практической деятельности: теоретические и прикладные проблемы социологии и психологии труда и профессионального образования. Материалы международной научно-практической конференции – Прага: Социосфера, 2013. – С. 99 – 103.
4. Социальная психология личности / Отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. - М.: Наука, 1979. - 344 с.